

Červyns'ka, Ol'ha V'jačeslavìvna

Реализация Гоголевской иронии в современном бизнес-дискурсе

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
83-93

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132715>

Access Date: 07. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОГОЛЕВСКОЙ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

ОЛЬГА ЧЕРВИНСКАЯ (ЧЕРНОВЦЫ)

Рассматривается случай реализации знаменитого Гоголевского сюжета «Мертвые души» как неклассической авантюрной антиутопии, которая сегодня воспроизводится в своеобразном жанровом новообразовании *Sequel*, сопровождающем, в частности, бизнес маркетинговых нет-технологий (так наз. бизнес-дискурс).

Ключевые слова: Н. Гоголь, «Мертвые души», антиутопия, реализованная ирония, рецептивный ресурс, *Sequel*, бизнес-дискурс.

The author of the present study analyzes an episode of the well-known Gogol's plot of the *Dead Souls* as a non-classical adventurous dystopia, nowadays reproduced in an original genre new-formation *Sequel* which accompanies, by the way, business marketing net technologies (the so-called business-discourse).

Keywords: Gogol's *Dead Souls*— dystopia, irony, receptive version, *Sequel*, business-discourse.

Переключка тем, обоснованный повтор художественного *материала* (в самом широком смысле этого слова) в историческом пространстве, а особенно его мировоззренческих векторов – наталкивают на мысль об онтологической предназначенности подобного факта. Посему хотелось бы вывести проблему за пределы классической компаративистики в зону рецептивного дискурса, а, точнее, в его практику: ниже предлагается рассмотреть яркий пример актуализации рецептивного ресурса гоголевского текста «Мертвые души». Вопрос заключается в том, как может осуществляться метафорически выражающая себя идея в ее многочисленных рецептивных версиях, каким образом текст в процессе своего исторического перемещения способен пролонгироваться в форму, востребованную иной действительностью.

Очевидно, что удаленная от автора самим временем рецепция отражает текст исключительно в свете нового исторического опыта и, пусть не столь уж часто, обнаруживает примеры его зримого воплощения в жизнь (акт

реализации тропа). Знаковые образцы подобного рода конверсий могут быть почерпнуты практически из всех программных стилей литературы нового времени, в частности, так или иначе проявивших интерес к построению анти-/утопической художественной модели (например, внушительная кратность интерпретаций идеи небезызвестного голема, включая сюда современный «Голем-XIV» С. Лема; гетевского Фауста, французских «нуворисей», булгаковского Шарикова, чапековского робота и т.п.). Устойчивое тяготение литературы к утопическому решению проблем общественного устройства – известный факт. Такую черту исследователи приписывают сегодня и славянству в целом, говоря о том, что «уже в эпоху раннего средневековья утопическая мысль стала важной частью сознания славянского общества»¹. Этот акцент значим, поскольку история Гоголевского текста, связанная с загадкой второго тома (автор искал положительный тип современника), в методике так называемого «постредактирования» фактически проясняется лишь теперь и это подтверждает. Сегодня становится понятным, что логике первого тома органически противоречило задуманное продолжение, поскольку на практике реализуются именно типологически откровенно негативные, осужденные и автором, и публикой явления: превращение отрицательного в положительное является, скорее, функцией утопической модели. По отношению к «Мертвым душам» справедливость последнего суждения подтверждается современным литературным опытом, стоит только расширить его параметры, включив сюда и то, что литературой в ее классическом понимании не принято называть. В свое время С. Машинский, комментируя издание «Мертвых душ», справедливо подчеркивал, что вместе со вторым томом Гоголь «сжигал свои иллюзии», и предположил, что, м.б., таким образом писатель «открывал себе дорогу к духовному и нравственному обновлению»². В частности, можно предположить и то, что в конечном счете Гоголь осознал утопичность своих прогнозов о возможном преображении созданных им человеческих типов, наперед и внезапно предощутил ужасную реальность будущего европейского уклада, неизбежный триумф мамоны, что и определило конец его биографии.

Для начала следует подчеркнуть, что опыт XX ст. изменяет и расширяет наше представление о рамках словесной культуры, изменяя и ракурсы рецептивного отражения всей классики. Современная научная тенденция

---

¹ Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. Ответственный редактор Флоря, Б. Н., Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, с. 304.

² См.: ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 7 томах. Том 5: Мертвые души. Поэма, примечания С. И. Машинского, Москва: Художественная литература, 1967, с. 606.

восприятия литературной продукции как качественно и суммарно по-иному целостной, хотя и континуальной организации, в совокупности абсолютно всех наличествующих на данный момент разнокачественных ее форм, выглядит продуктивней. В Украине такую позицию сегодня наиболее активно отстаивают молодые ученые. Например, исследовательницей Э. Г. Шестаковой фиксируются не столько изменения *внутри* литературной культуры (у нее – «трансформации внутри поэтического сознания»), сколько «появление и стремительная легитимизация качественно иного типа словесности» – «словесности массовой коммуникации»³. Со справедливостью этого мнения согласуются и выводы А. В. Сажинной о рекламе, создавшей на сегодняшний день, по ее убеждению, «своеобразную целостность внутри художественной культуры»⁴. Симптомы взаимодействия элитарного искусства с массовым, как в целом позитивные, анализирует также на опыте украинской литературы О. М. Косюк, говоря о старомодности «трепетной иконоподобной маркировки (иллюзия закрытой темы)» классического текста и настаивая на том, что именно массовая культура «образует прорыв в старой культурной парадигме»⁵. Таким образом, мы выходим на открытую для новых исследовательских программ площадку, где классический образец при ином освещении способен неузнаваемо изменять свои параметры. Современная философия также видит обозначенное явление, но уже в аспекте «ситуативной логики», связывая его природу с явлением *стандартизации форм коммуникации*, которая и порождает зависящую от конкретного исторического отрезка времени «проектную ориентированность человеческого мышления»⁶.

Горькая ирония русского классика сегодня реализуется самым прямым образом в литературе, сопровождающей практическое становление и развитие актуальных форм бизнеса. Яркий пример гоголевского авантюриста в преломлении той мощной сети современного бизнес-дискурсного треша, который с успехом сменяет Гоголя на современных книжных полках, как

---

³ ШЕСТАКОВА, Э.: До проблеми обґрунтування цілісного буття словесності Нового та новітнього часу. Питання літературознавства: Науковий збірник, Чернівці: Рута, 2007, Вип. 74, с. 333.

⁴ САЖИНА, А. В.: Рудименти фольклорних жанрологічних моделей у рекламному тексті, Питання літературознавства: Наук. збірник., Вип. 72, Чернівці: Рута, 2006, с. 208.

⁵ КОСЮК, О.: Творчість класиків української літератури та індустрія масової культури: опозиція чи трансформація? Питання літературознавства: Науковий збірник. Чернівці: Рута, 2007, Вип. 74, с. 201-207.

⁶ ГУСЕВ, С. С.: Метафизика текста. Коммуникативная логика, СПб: «Гуманитарная Академия», 2008, с. 280.

это ни неожиданно, оживает именно в такой продукции. Практически действия любого из положительных героев современных олигархических «апокрифов» совмещаются с личным опытом знаменитого гоголевского персонажа. Некогда, вооружившись воистину гениальной идеей, Павел Иванович Чичиков осмелился вступить в единоборство с судьбой (сегодня его авантюру отметили бы как весьма удачный хип-хоп проект). Крушение героя заключалось в том, что он не попал в свое время. Хотя, по-сути, читатель не имеет права говорить о каком-то окончательном поражении этого персонажа даже внутри текста, ведь удирал он из города NN и не с путыми руками, и не в никуда... Однако, повторим, этот тип сегодня обнаруживает свою жизнеспособность и вне классического теста, поэтизируясь как образец для подражания уже в литературе иного рода.

В XX ст. сложилась совсем иная картина рецептивных потребностей публики: книг все больше, классики в ее традиционном понимании все меньше. Мировыми бестселлерами считаются просто наиболее раскупаемые издания. Провозглашенный Х. Ортега-и-Гассетом факт дегуманизации искусства прямо связывается с имеющимся не равновесием вкусов и отсутствием четких критериев в определении границ между искусством и паракискусством. Ученый, метко назвав это «оптической проблемой», особо подчеркнул, что современные читатели «смогут допустить чистые художественные формы, ирреальность, фантазию только в той мере, в какой эти формы не нарушают привычного восприятия человеческих образов и судеб»⁷. Сегодня в целом эстетический рецептивный порог серьезно занижен, более востретованными стают произведения иного эстетического стандарта. В результативности таких авторов знаменитых бестселлеров XX в., классиков современного бизнес-дискурса, как Дейл Карнеги, Чарльз Паул Конн (автор книги «The Possible Dream» – книги, за всю историю американских издательств наиболее раскупаемой, как следует из аннотации), Джим Рон (ведущий американский философ бизнеса, автор весьма оригинальной методики обогащения), Рич DeVos (соучредитель империи AMWAY, автор концепции «сострадательного капитализма»), а также Роберт Т. Киосаки, автор бестселлера «Богатый папа, Бедный папа: Чему богатые учат своих детей касательно денег – и чему, касательно денег, не учит своих детей бедный и средний класс!» (в соавторстве с Шарон Л. Летчер) и еще ряда книг такого же направления имеет место настоящий триумф идей Павла Ивановича. Ибо

---

⁷ ОРТЕГА-И-ГАСЕТ, Х.: Вибрані твори. Перекл. з іспанської В. Бурггардта, В. Сахна, О. Товстенко, Киев: Основи, 1994, с. 242.

упомянутые писатели по сути сумели перевести идеи, некогда обуревавшие этого героя, в практику реального обогащения.

Текст «Мертвых душ» имеет продолжение в таком современном жанре, как *Sequel* (пролонгация успешного классического художественного образа), который представляет собой уже качественно иную «классику». Она-то и дает поистине наиболее точное представление о специфике реального образа современного мира, который структурирует себя в режиме всевозможных сетей (так наз. «нетов»), успешно навязывающих себя не без помощи универсальных эстетичных форм, в том числе – литературных (отсюда, не случайно, много говорится о так называемом феномене интермедийности). Взав за срез несколько векторных маркетинговых сетей, успешно функционирующих сейчас в Украине, мы увидим повторяющуюся, типичную картину: все они имеют свою «литературную» базу, обусловленную сферой определенных жанровых «стандатов»⁸. Сравнение эпизодов «Мертвых душ» с указанными образцами может завлечь в поистине бесконечный отбор аналогичных примеров, дать любопытный материал не только литературоведам, но и представителям любых других сфер гуманитарного цикла наук.

Откорректированный новыми условиями Чичиков опять появился на сцене жизни, в связи с чем следует говорить о своеобразной реализации гоголевской иронии. Идейных потомков этого персонажа часто именуют «мошенниками», за ними тянутся новые интересные сюжеты. Забавно, например, что в Украине накануне 200-летия Гоголя была раскрыта крупнейшая со времени независимости банковская афера: в прессе сообщалось о краже 74 672 000 гривен из банка, которую придумали и совершили трое мелких клерков. Они ссужали огромные кредиты «мертвым душам», провернули преступную схему – оформили несколько крупных кредитных линий на несуществующих граждан, как положено, провели все документы и каким-то образом добились у руководства выплаты гигантских сумм по липовым договорам⁹. Мошенничество, безусловно, является международной фабулой. Однако не так интересны современные мировые рецидивы вымышленной классиком авантюры, как тип литературного героя, который оказался способным существовать и за пределами собственного текста, уже как реализованная фикция. Именно прославленный гоголевский персонаж, благодаря яркой личной изобретательности, выглядит очень актуальным.

---

⁸ ГУСЕВ, С. С.: Метафизика текста. Коммуникативная логика, СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008, с. 145.

⁹ КОРЧИНЬСКИЙ, В.: Нагрели банк на 74,5 млн., Украина, 2009, 31 марта, с. 5.

В настоящее время говорится о необычайной «множественной функциональности» этого текста в большинстве его измерений. Так, относительно даже одного заголовка М. Заградка подчеркивает: «Просто (хотя и по-старинному) *артикулированные Приключения* Чичикова приобретают настоящую таинственность продолжением заглавия *Мертвые души*. Гоголь, таким образом, придает названию множественную функциональность метафорического и метонимического характера, подчеркивает их непосредственность и странность»¹⁰. Следуя за этой мыслью, обратим особое внимание также на то, что, «Приключения Чичикова» действительно были неоднократными – и первое название подчеркивало множественность этих приключений. Конечно, удивительно, что сегодня история героя преимущественно интерпретируется лишь в аспекте одного сюжетного вектора – мощничества с мертвыми душами. Но, помимо множества очерченных в тексте сомнительных и вроде бы «мелких» эпизодов из жизни Чичикова, включая мотивацию его панического бегства из города NN под влиянием «болтовни» Ноздрева, широко перед этим обсужденный в дамских кругах мотив его женитьбы (гл. IX) или приключения с флюсом (см.: «Как нарочно, в то время он получил легкую простуду – флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, как-нибудь жизнь без потомков, он решил лучше посидеть денька три в комнате»¹¹), из-за которого он «выпал» из городских событий и пропустил опасный для себя момент, – помимо всего этого в тексте за героем тянутся и другие эпизоды биографии, каждый из которых мог бы дать толчок для самостоятельного литературного сюжета не только его автору, но и тем, кто сегодня обращается к жанровым ресурсам Sequel'a. Исключительную способность классика до предела «сгустить» сюжеттику можно видеть в любом фрагменте текста, например, в описании паники героя: «Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочери, смерть прокурора, которой причина будто бы он, приезд генерал-губернатора – все это навело на него порядочный испуг. Ну, уж коли пошло на то, – подумал он сам в себе, – так мешкать больше нечего, нужно отсюда убираться поскорей»¹².

---

¹⁰ ЗАГРАДКА, М.: Поэтика заглавий русской литературы XX века, *Balkan Rusistics* (Электронный ресурс), режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article291.html>

¹¹ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений: в 7 томах, т. 5: Мертвые души. Поэма, примечания С. И. Машинского, Москва: Художественная литература, 1967, с. 252.

¹² Там же, с. 248.

Интригует читателя то, что о «темном и скромном происхождении нашего героя» ему сообщается лишь в последней главе I тома, где житие Павла Ивановича раскрыто как убедительная логическая цепь последовательных событий: 1. никчемное детство; 2. учеба в городском училище; 3. жалкий пост в волостной палате – «самый трудный в карьере порог, который ему удалось переступить»; 4. «хлебное местечко», где он больше всех остальных демонстрировал «чисто русскую изобретательность» и которое питало его до тех пор, пока новое начальство («человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что называется неправдой») не сменило свой кабинет, куда ему не повезло вписаться, но, более того, надо было срочно скрыться от правосудия; 5. затем мгновенно смененные две-три должности в других городах; 6. наконец, место на таможенной службе, о котором он издавна мечтал, которое было им, на этот раз уже достигшим статуса коллежского советника, потеряно из-за пьяного дебоша с подобным ему приятелем, но только «статским советником»; 7. и, наконец, последующая афера с «мертвыми душами», логически связанная с предпоследним приключением¹³. Каждый из перечисленных фрагментов сюжета настолько мощно преподнесен, что его рецептивный ресурс достоин отдельной автономности приключенческого вектора, проблема постредактирования всего этого текста должна быть признана значительно более сложной, чем можно предположить.

Значительно глубже раскрыть онтологический ресурс самой классики и позволяет бизнес-дискурс. В частности, сравнение эпизодов «Мертвых душ» (особенно значимой в этом срезе «Главы одиннадцатой») с образцами указанной литературной продукции может привести к вполне неожиданным выводам. Непосредственно сам гоголевский персонаж Чичиков, если отбросить авторскую иронию, укладывается в параметры именно того персонального типа и того жизненного опыта, который не просто воспет, но и фетишизирован современным бизнес-дискурсом:

«Нужно знать, что Чичиков был самый благопристойный человек, какой когда-либо существовал на свете. Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и все бы было благородно. Никогда не позволял себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, если в словах других видел отсутствие должного уважения к чину или званию <...>. Но переносил все наш герой. Переносил сильно, терпеливо переносил»¹⁴.

¹³ Там же, с. 262-268.

¹⁴ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений: в 7 томах, т. 5: Мертвые души. Поэма, примеч. С. И. Машинского, Москва.: Художественная литература, 1967, с. 328.

Изначально систему безусловных ценностей для героя, как утверждает гоголевский текст, составляли семья, практическая деятельность и благополучие. Бизнес-дискурс также сознательно опирается на эти «удобные», хотя и «уязвимые» традиционные институты, считая, что с их потерей проблем становится не меньше, а значительно больше: исчезают конструктивные ценностные ориентиры, а также важные для существования в сложные времена «источники силы и поддержки». Рич ДеВос, автор известного концепта *сочувствующего капитализма*, в поисках новой эффективной шкалы ценностей акцентирует внимание на том же, говоря о крахе «традиционных институтов, которые когда-то составляли жизненную основу наших родителей и наших дедушек и бабушек – Бог, страна, семья, друзья, образование и работа», подчеркивая, что «они теряют доверие основной части населения»¹⁵. Гоголевский Чичиков именно сквозь все названные параметры мог бы быть «пропущен» современным автором как положительный герой.

Любопытно сравнить признание Рича ДеВоса в своей первоначальной заурядности («Я просто учился в школе. Мои оценки были средние, а посещения – умеренными. Я не изумлял ни своих учителей, ни директора школы»¹⁶) с гоголевским текстом: «Особенных способностей к какой-нибудь науке в нем не оказалось; отличился он большим прилежанием и опрятностью; но зато оказался в нем большой ум с другой стороны, со стороны практической. <...> Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив – в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно...»¹⁷. Личность Чичикова выразилась не в каком-либо чрезмерном интеллектуальном потенциале, а в гениальном конформизме, в способности чувствовать «дух начальства» и «человеческую массу», что и приводит в творческое движение весь его опыт. Важно то, что персонаж Гоголя проявляется как «определенная личность», «отчетливый генеративный тип» (определения Ортега-и-Гасета). Имплицитация Чичикова в опыт других исторических времен на самом деле является органическим вплетением авторской выдумки в практику иной жизни, то есть следует подчеркнуть, что в данном случае наблюдается не имплицитация, а именно *реализация*. Относительно «идеи генерации»

---

¹⁵ ДЕВОС, Р.: *Сострадательный капитализм*, перевод с англ. В. А. Хмельницкий, Москва: Бизнес-пресс, 2005, с. 63.

¹⁶ Там же, с. 58.

¹⁷ ГОГОЛЬ, Н. В.: *Собрание сочинений*: в 7 томах, т. 5, *Мертвые души*. Поэма, примечания С. И. Машинского, Москва: Художественная литература, 1967, с. 264.

утверждается, что именно «изменения жизненного мировосприятия, которые являются решающими в истории, воспроизводятся в форме генераций», идея генерации трактуется как «динамический компромисс между массой и индивидом», как «самая важная концепция истории», как «тот шарнир, на котором последняя двигается»¹⁸. Рассматривая человечество, как особую «функциональную структуру», тот же исследователь особо подчеркивает, что «самые энергические личности – какую бы форму не приобретала их энергия – действовали на массы, придавая им определенную конфигурацию» и что именно это создает «определенное базовое единство между высшими индивидами и плебейской толпой. Полностью чуждый массе индивид не произведет на нее никакого воздействия: его деятельность лишь слегка коснется социального фона эпохи, не вызвав никакого встречного отзвука и не присоединясь к общему историческому процессу. Такое бывало, в той или иной степени, не раз и история должна лишь на полях своего основного текста записать биографии этих «экстравагантных» личностей. Как и другие биологические науки, история содержит подраздел, предназначенный для монстров – своеобразную тератологию»¹⁹. Именно сегодня Чичиков уже не выглядит подобным «монстром». Гоголевская ирония, которая сопровождает все предоставленные автором характеристики героя, делает его выдающейся пародией на достаточно знакомый типаж, инверсированной во времени (то есть она действует в обратном направлении, пародирует то, чего еще не знала гоголевская современность, подавая его в качестве именно позитивного образца!). В качестве примера можем взять любую из современных экземпляров бизнес-треша, и он сразу найдет свою соответственную аналогию в гоголевском тексте – полистаем хотя бы страницы популярной брошюры о фальшивой рекрутской программе маркетингового бизнеса²⁰, в которой четко провозглашена главная цель издания – обучить, как стать «специалистом мотивированного рекрутирования», «мастером привлечения других людей к бизнесу MLM». Брошюра, к примеру, приводит и анализирует стандартную ситуацию: «Неудачный старт в этом бизнесе, как правило, выглядит следующим образом: «свежеиспеченный» новичок, вдохновленный перспективами, которые могут благодаря этому бизнесу стать реальностью, бежит к своим друзьям, родственникам и знакомым. Рассказа-

¹⁸ ОРТЕГА-И-ГАСЕТ, Х.: Вибрані твори. Перекл. з іспанської В. Бурггардта, В. Сахна, О. Товстенко, Киев: Основи, 1994, с. 317.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мотивационное рекрутирование: Рекрутирование превращается в «стучание лбом в стену»? Брошюра, без года издания, 60 с.

зывает троим-пятерым о возможностях бизнеса, приглашая их присоединиться (причем рассказывает, не имея никакого представления о том, как это надо делать <...>. В результате расстроенный неудачей и неисполненный сомнений <...>. Все происходит довольно быстро)».²¹ По сравнению с поражением проекта Чичикова – а здесь мы четко прослеживаем ситуацию его пересечений с Ноздревым – бизнес-инструкция наставляет весьма всерьез. Апеллируя к будущему вербовщикам, ее автор относит к самым важным факторам успеха умение находить клиентов и навыки работы с ними. Все эпизоды чичиковских знакомств и у Гоголя повторяют подобное.

Биография Чичикова, его житейские неудачи, его карьера, мечты – все это сегодня как будто продублировано в тематике «сострадательного капитализма». Отдельные примеры при сопоставлении их с гоголевскими квази-образцами перетягивают на себя ту знаменитую гоголевскую иронию, о которой авторы и не подозревают. В качестве примера – цитата о «мечтательных ночах» из бестселлера Рича ДеВоса, звучащая в свете грез Чичикова с не менее ироничным пафосом:

«Хол и Сьюзан Гуч все еще помнят те ночи много лет назад, когда они мечтали и размышляли над тем, будет ли у них когда-либо достаточно денег для того, чтобы выехать из квартиры, которую они арендовали за 55 долларов в месяц, не говоря уже об особняке своей мечты. Когда-то, в одну из тех странных, чудесных ночей, в сердцах Хола и Сьюзан стала расти мечта. «У нас когда-то будет не просто особняк, – шептал Хол. – Мы купим особняк Финчей прямо здесь, в Томасвилле». Сьюзан улыбалась, сжимала руку своего мужа и думала о том, смогут ли они когда-то оплатить все свои счета <...>; «У нас нет высшего образования, – объясняет Сьюзен. Наши родители не были богатыми людьми. У нас не было богатых дядюшки или тетушки, поджидающих за кулисами. Расходы росли, а наша чистая стоимость продолжала падать»; «Если мы хотели, чтобы наши мечты воплотились в жизнь, – вспоминает Хол, нам нужно было зарабатывать больше денег <...>. Деньги, казалось, были единственным ответом на наши вопросы»²².

Немало совпадений можно также обнаружить и между деталями проекта Чичикова и фабулами успеха в любой из книг популярного сегодня Дейла Карнеги. Сегодня на все лады артикулируется бизнес-дискурсом формула счастья: «потребление и прибыль, прибыль в сопровождении удовольствия, никто не проигрывает, никто ни для кого не является антагонистом

---

²¹ Указанное издание, с. 3.

²² ДЕВОС, Р.: Сострадательный капитализм, перевод с англ. В. А. Хмельницкий, Москва: Бизнес-пресс, 2005, с. 69-70.

или врагом». Без преувеличения, необходимо отдать дань блистательному гоголевскому персонажу: именно он имеет право называться отцом методики сетевого маркетинга, ирония Гоголя выразительно изображает всепобеждающую силу психологического влияния Чичикова на потенциального партнера (вспомним влюбленность Манилова, который такими поцелуями его наградил, что у гоголевского бизнесмена потом «целый день болели передние зубы»).

Итак, типологический образец содержит в себе стойкие черты знаковой матрицы, которая, как правило, в соответствии с требованиями иных времен наделяется не только чертами новой, иной эстетики, но может изменять и свою историко-прагматическую функцию (включая потребности коммуникативного характера), затушевывая первоначальное родство. В новой оболочке этот образец как будто совсем растворяется, он может даже не идентифицироваться, сохраняя, тем не менее, свой нормативный смысл. В рассмотренном нами случае новая действительность выглядит пародией на иронический классический образец. Но в этом же контексте сам Чичиков в аспекте постредактирования прочитывается как гениальное пророчество, знак дистопии, внедряющийся в текст самой жизни. Таким образом, мы вступаем в зону открытого вопроса о сущности взаимоотношений между эстетикой прошлых времен и культурологическими стандартами современности, интерпретируемой иногда как деформация культурного наследия, но преимущественно толкуемой как его отрицание.

